

«Я просто продолжаю жить...»

К 70-летию со дня рождения Галины Вишневской

— 25 октября вы будете принимать поздравления из многих стран мира. Как вы будете праздновать свой юбилей?

— Это будет нормальный день рождения, как всегда. В этот день я буду в Петербурге, и мне это очень приятно. Я родилась в этом городе, и вот мне 70 лет. В юбилей хочется быть у своих истоков. В эти дни я поеду в Кронштадт. Меня примет мэр. Недавно мне присвоили звание почетного гражданина Кронштадта. За всю историю города, который основал Петр I, только 12 человек удостоены такой чести. Я стала 13-й. Этим невероятно горжусь и очень благодарна. 12-м по счету был знаменитый подводник Маринеско.

27 октября я приеду в Москву. Большой театр хочет посвятить моему юбилею спектакль «Тоска». Я буду присутствовать на этом вечере.

— В вашей большой и сложной жизни были трагедии, были и праздники. В чем особенность предстоящего торжества?

— В России мне предлагали сделать этот юбилей в Москве или Петербурге. Я отказалась от официальных торжеств. Пять лет тому назад на сцене Большого театра у меня был один юбилей — это возвращение в Россию и 45-летие карьеры. Теперь будет праздник, на который, как всегда, придут мои друзья. Но я совершенно не чувствую своего возраста. Смотрю на себя в зеркало и думаю: не может быть. По этому поводу у меня нет никакой печали. Должна сказать, что я никогда не стеснялась своего возраста, никогда его не скрывала, не скрываю и сегодня. Никакого комплекса по этому поводу у меня нет. Я живу полноценной жизнью, чувствую себя нормально. Мой взгляд на жизнь такой же, каким он был 30-40 лет тому назад. Мои духовные и моральные ценности совершенно не изменились. Я просто продолжаю жить.

— Вы известны в мире как изумительная русская певица и как яркая, сильная личность с очень требовательным подходом к жизни. В чем ваше кредо?

— Я не выношу лжи, не выношу лести. И сама никогда не могу льстить людям. Меня это оскорбляет. Я всегда очень хорошо чувствую, когда мне пытаются льстить. Compliments — другое дело. Когда актрисе, женщине говорят приятные вещи, это прекрасно. Я никогда не отказываюсь выслушать комплименты. Но лести — это совершенно другое, такая же мерзость, как ложь. Пусть правда — неприятная, даже ужасная, но она должна быть. В жизни я сталкивалась с такими моментами, когда можно было правду не знать. Но я всегда предпочитала ее знать. Я всегда добивалась правды, притом немедленно.

— Большое счастье давать людям радость. Вы ее дарите так часто благодаря своему таланту певицы. А как вы это делаете сейчас?

— Сейчас — творчески. Как актриса я прежде всего могу помочь молодым певцам. И я это делаю. Есть несколько певцов, которых я просто возродила, вернула им жизнь. Я не преподаю ни в какой консерватории, пока этого не хочу. Сейчас ко мне приходят на мастер-класс за помощью не те, у кого все блестяще, а те, у кого плохо. Таких певцов я спасла несколько. Они профессионально уже не работали, а сегодня вновь поют и просто имеют кусок хлеба.

Вот Нина Павловская, которая пела в Петербурге в опере «Леди Макбет Мцен-

ского уезда». Она пришла ко мне в жутком состоянии, не могла петь из-за серьезных проблем с голосом. Я заново ее «родила» и этим счастлива. С Ниной я очень много занималась. Конечно, бесплатно. Никогда в жизни не возьму денег у певицы, которая не работает. Занятия мне дают большое удовлетворение. Я счастлива, что могу это делать и умею. Мало того, что хотеть, нужно еще и уметь. Я рада, что Бог дал мне способности помогать людям именно в моей профессии.

Помимо этого я занимаюсь и другим. У нас с М.Ростроповичем есть фонд помощи детской больнице Академии педиатрии в Петербурге. Через него больница получила оборудование и аппаратуру уже на несколько миллионов долларов. Это не только наши деньги, но и тех, с кем мы имеем контакты, например, в США, Японии, Франции. Для больных детей — это огромная помощь.

У меня еще есть скромный фонд для пенсионеров — хористов и солистов Большого театра. Там только мои личные средства. Никто другой никогда и копейки в него не вложил. Я помогаю нуждающимся людям как могу.

— Удалось ли Большому театру преодолеть трудности застоя, обрести новое дыхание и творческий подъем?

— Но в годы застоя театр был лучше, чем теперь. Сегодня он вообще весь развалился. Тогда хотя и была рутина, однако что-то шло из года в год. Еще была выучка у каких-то солистов. Сейчас все разбежалось. На сцене остаются в основном те, кто не может убежать, в ком нет потребности на Западе.

Так что какое сегодня может быть второе дыхание у Большого театра, если у него нет настоящей труппы? В театре стабильно нет исполнителей высокого качества для первых ролей, которые из года в год выходили бы на сцену. Когда там ставили «Хованщину», то только благодаря таким великим художникам, как Б.Покровский и М.Ростропович, удалось создать спектакль. К тому же три главных исполнителя были приглашены из Петербурга, потому что в Большом театре не было достойных вокалистов для партий Марфы, Хованского и Досифея.

Сегодня там такое, что как бы амбарный замок не повесили и не закрыли театр. В таком катастрофическом состоянии находится его творчество.

— Что может его спасти?

— Подлинная контрактная система. Причем надо платить настоящие деньги, хотя бы на 80% от гонораров на Западе. До тех пор, пока Большой театр не станет платить артистам нормальные гонорары по настоящим контрактам, он будет влачить жалкое существование и погибать. Сегодня мир открыт всем. В конце концов, почему артист должен сидеть и нищенствовать, как старики, пропевшие первые партии всю жизнь и теперь получающие пенсию всего 200 тысяч? У меня пенсия 230 тысяч. Я получаю высокую пенсию народной артистки Советского Союза. Ростропович мне говорит: зачем тебе это надо? А я хочу знать, что я заработала в России, во что оценили мой труд. Я отдала всю жизнь Большому

Галина Вишневская. 1996.
Фото Виктора Игнатова.

театру. Можно ли сейчас на такую пенсию жить? Нет!

— Как продвигается в Москве строительство школы оперного пения имени Г.Вишневской?

— Я не была в Москве несколько месяцев. Но уже есть фундамент, и идут этажи. Надеюсь, что работа продвигается. Школа должна быть скоро готова. Ведь здание не такое большое — трехэтажное и очень красивое. Бело-желтое с колоннами в стиле неоклассицизма, оно органично впишется в архитектуру старой Москвы и будет стоять на Остоженке, как будто там стояло всегда. В Москве появится уникальная школа оперного пения, которая будет принадлежать городу.

— Какой она будет?

— Она не имеет аналогов в мире. В ней будут заниматься молодые певцы после окончания консерватории и до начала работы в театре. В такой школе в течение года они будут проходить курс лекций по вокальному и сценическому искусству, заниматься языком, дикцией, пластикой, общаться с режиссером и дирижером. Но главное они подготовят по 2-3 партии, хорошие, по своим возможностям, с которыми смогут достойно прийти на сцену.

В мое время в Большой театр приходили молодые певцы с замечательными голосами, но они просились и в результате ничего не сделали, потому что не было настоящей сценической подготовки. В театре некому и некогда заниматься с начинающим артистом. Поэтому он так и сидит 2-3 года, а потом появляется неуверенность в себе, разочарование. Застрянет на маленьких ролях — и так до пенсии.

Вот почему нужна школа. Она даст возможность артисту показать себя на сцене подлинным персонажем. В школе будет зрительный зал на 200 мест, сцена и ложа для оркестра. Мы будем ставить с певцами картины из опер и целые спектакли. Обязательно будем приглашать импресарио, чтобы они могли видеть наших артистов, их перспективу. Подобной школы нет нигде в мире. Поэтому очень трудно составить систему обучения. Но надеюсь, что у нас это получится.

— Лично вы будете участвовать в работе школы?

— Я создаю школу, чтобы с учениками работать самой. Мне это интересно. Я это люблю, умею и хочу этим заниматься. В течение курса (вероятно, он будет рассчитан на 8 месяцев) я периодически смогу приезжать в Москву на 3-4 недели. Конечно, я буду заниматься с учениками сама и никогда свою работу никому не передоверю. Это мой принцип. Если я вижу, что нужно делать с певцом, то сама и должна это сделать. Только сама.

— После роли Екатерины Великой в спектакле МХАТа «За зеркалом» хотелось ли вам появиться на сцене в новой драматической пьесе?

— Конечно, я бы хотела сделать что-то новое. Например, сыграть боярыню Морозову, какой-то яркий, сильный русский персонаж больших страстей и потрясе-

ний. Но мне нужна настоящая роль. Масштаб должен быть. Пока такой роли не вижу. Я понимаю, что сейчас в России трудное время, нужно найти деньги. Если появится подобная роль, то я с удовольствием ее сыграю. Кстати, недавно играла Екатерину в Нижнем Новгороде. Там был фестиваль, посвященный памяти А.Д.Сахарова. В дни фестиваля мы дали два спектакля «За зеркалом», а 8 ноября его опять покажем во МХАТе. Мне очень нравится этот спектакль.

— Чем он нравится вам?

— Я оперная певица и привыкла к театральности, не к быту. Мне интересны царственные роли.

— Ваша жизнь проходит в разных странах, но чаще всего вы, конечно, бываете в России и Франции. Где ваш настоящий дом?

— Я уже привыкла к Парижу, здесь я живу. Это мой дом, вернее, моя квартира. Вначале между Москвой и Парижем была огромная разница. Но сейчас почти нет никакой. Когда я приезжаю в Москву или Петербург, у меня нет ощущения, что перелетаю границу. Иду в любой магазин и покупаю все, что мне нужно. В 1991 году я еще должна была с собой тащить зубную пасту, туалетную бумагу, целый чемодан еды. Сегодня ничего этого не надо. совершенно стерлись границы. Слава Богу, что дожили до этих дней.

— Однако в вашей парижской квартире себя ощущаешь, как в царском Петербурге.

— Вы правы. Здесь атмосфера не Москвы, а именно Петербурга. Я создавала этот дом, чтобы в нем была Россия. Все, что здесь есть, собрано за 22 года. В каждой мелочи — часть моей души. Я здесь живу в моей прекрасной России, где можно забыть многие проблемы, хотя невозможно забыть все до конца. Сейчас сижу с вами, и где-то колотит чувство тревоги: что же будет в России дальше?

— В Петербурге сейчас строят для вас хороший дом. Сможет ли он принять вашу изумительную коллекцию русского искусства?

— Места там достаточно. Но в первую очередь мы перевезем туда наш архив, в котором много рукописей композиторов, посвящавших произведения мне и Славе. Это, конечно, должно принадлежать России. В этом доме тоже будет достаточно хороших вещей. Парижскую коллекцию трогать пока не буду. Рисковать шедеврами искусства не имею права. И я здесь живу.

— Великие композиторы посвящали вам свои сочинения, государственные деятели вручали награды. Какая из них для вас самая дорогая?

— Во Франции меня вначале произвели в кавалеры Ордена искусств и литературы, а недавно я стала офицером этого ордена. Но самая дорогая для меня — это, конечно, медаль «За оборону Ленинграда». Я всегда ее вожу с собой в маленьком мешочке. Ничего выше для меня быть не может. Это самая первая награда. Я получила ее девочкой в 15 лет, когда служила в МПВО в Кронштадте.

— В вашей жизни было много незабываемых встреч с такими людьми, как Ахматова, Бродский, Солженицын, Шагал, Дали, Бриттен, Шостакович. Кто из них оставил наиболее яркий след?

— Конечно, Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Не потому, что это великий композитор и истинный гений. Просто я с ним встречалась больше, чем с другими. Может быть, я лучше знала его, ближе чувствовала. Скажем, Бриттен жил в Англии, Бродский — в Америке. Встречи с ними — это прекрасные эпизоды жизни. Бриттен произвел огромное впечатление. Он написал для меня «Военный реквием» и также посвятил мне свой цикл на стихи Пушкина. Я никогда, естественно, его не забуду.

Но, тем не менее, я его не так долго знала, как Шостаковича — с ним я была дружески связана 20 лет. Встречались домами. Наши дачи были рядом. Его квартира в Москве была буквально у нас за отеной. Мы общались с ним постоянно.

Он посвятил мне три опуса и 14-ю симфонию, посвященную Б.Бриттену, писал для моего голоса. Так что творчески и человечески моя жизнь очень переплетена именно с Д.Д.Шостаковичем.

Я вспоминаю кинохронику военных лет. Девочкой я видела знаменитые кадры, когда он в бурках, с пледом на спине сочиняет Седьмую симфонию в блокадном Ленинграде. Я помню это как фотографию того времени. В музыке я тогда ничего не понимала. Но я запомнила его лицо. У него было удивительное лицо, лицо гения. И прекрасное! Если однажды вы его увидели, то никогда не могли забыть эти черты лица, невероятно выразительные глаза, которые под большими очками казались еще больше, прямой, совершенно точный нос, губы, волосы... Сейчас, когда я говорю о музыке Д.Шостаковича, первое, что я вижу, — это его лицо, удивительное и прекрасное.

— Уже 41 год вы с Мстиславом Ростроповичем вместе идете по жизни. Что помогает вам сохранить этот легендарный семейный альянс?

— Попытка взаимопонимания. Полного взаимопонимания, по-моему, не бывает. У каждого человека есть свои эмоции, и чем он талантливее, тем более эмоционален. Нужно стараться понимать друг друга. Часто мы слушаем одно, а слышим другое. Жить своим умом и чужими чувствами — это великое стремление.

Теперь у нас двое детей, шестеро внуков и два зятя: четверо взрослых и шесть малышей. 12 человек — это уже клан, наша кровь.

Все внуки с русскими именами: Иван, Сергей, Настасья, Александр у Елены; у Ольги: Олег и Мстислав. Младшему Мстиславу в марте будет два года. Мы его крестили в Париже. Назвали Мстиславом в честь деда. Они обожают друг друга.

Сейчас вся наша семья должна приехать в Петербург на мое 70-летие. Но собраться нам всем вместе не просто. Ольга со своей семьей живет в Америке. Елена с мужем и четверо их детей живут в Париже, поэтому у нас бывают очень часто. Как только я возвращаюсь в Париж, на следующий день их зову обедать. И варится борщ для Сергея, а Иван обожает суп грибной. Так что делаем сразу оба. Остальным — что есть в доме.

— Какими вы хотите видеть ваших внуков взрослых?

— Я хочу, чтобы они выросли в любви и правде. Моя бабушка была крестьянкой. Она не умела читать и писать, но у нее были две заповеди. Она меня учила: не воруй и не ври. От этого все происходит.

— Вы сделали блистательную карьеру оперной певицы и воспитали двух дочерей, которые унаследовали многие ваши замечательные качества. Как вам это удалось?

— Мы с Ростроповичем специально не воспитывали в них лучшие чувства и качества. Для этого времени не было. Рядом была жизнь, в которой они непосредственно участвовали из года в год. Они все переживали вместе с нами. Ведь мы уехали из России, когда одной было 18, другой 16 лет. Им тоже надо было пережить разлуку с друзьями, школой, где все было привычно.

Оказаться выброшенными в сложный мир — это была для них невероятная встряска. Вначале думали, что за границей все чудесно. Но это совсем не так. Надо было учиться, заниматься. Им приходилось часто оставаться одним, потому что я работала, уезжала. Ростропович все время в разъездах. Надо было элементарно зарабатывать деньги, чтобы устраивать нашу жизнь с нуля. Ведь мы были выброшены без копейки денег. Все осталось в Москве. Все! Два чемодана платьев — вот с чем я уехала из России. Жизнь нужно было начинать заново. Дети все это понимали.

— О чем сейчас вы мечтаете?

— Пусть все останется как есть. У меня устроена жизнь, налажена семья. Мне ничего не надо. Ничего не прошу у Господа Бога. Что даст, все приму. Только чтобы здоровы были дети. Молюсь на ночь, перечисляю всю семью и прошу только здоровья. Будет здоровье — будет все.

Интервью взял
ВИКТОР ИГНАТОВ

Париж, 20 октября

ЗАЛ ПЛЕЙЕЛЬ

в среду 14 и четверг 15 ноября
с Парижским оркестром играет

Игнат Солженицын

(фортепьяно)

В программе:

Равель — Матушка-гусыня

Моцарт — Концерт для фортепьяно с оркестром №18

Брамс — Вторая симфония

Дирижер — Гюнтер Хербиг

Начало концерта в 20 ч. 30 мин.

Цена билетов: от 60 до 240 фр.

Адрес: 252, Fbg Saint-Honoré, 75008 (напротив редакции «РМ»).

Телефон для справок: 01.45.61.53.00.